

**Опыт междисциплинарных исследований
истории и теории международных отношений
в Алтайской школе политических исследований
(аналитический обзор)**

О.А. Аршинцева, А.М. Бетмакаев, Ю.Г. Чернышов

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**The Experience of Interdisciplinary Studies of History
and Theory of International Relations in the Altai School
of Political Studies (Analytical Review)**

O.A. Arshintseva, A.M. Betmakaev, Y.G. Chernyshov

Altai State University (Barnaul, Russia)

Рассматриваются наиболее важные и интересные результаты научного опыта, накопленного за 20 лет деятельности одного из известных экспертно-аналитических центров — Алтайской школы политических исследований (АШПИ). На основании аналитического обзора статей отечественных и зарубежных авторов школы исследованы два наиболее значимых направления: первое связано с формами международного взаимодействия (международные конфликты, трансграничное сотрудничество и т.д.), второе — с ролью идентичностей и имиджей в международных отношениях (европейская идентичность, образы стран, продвижение международного имиджа и т.д.). Большое внимание уделено изучению исторических сюжетов указанных направлений. Аналитический обзор позволил представить масштабы, системность и разноплановость проведенных исследований. Обобщается также практический опыт научно-организационной деятельности по созданию сетевого сообщества исследователей-международников, которое удавалось развивать благодаря активному использованию интернет-технологий, позволяющих виртуально преодолевать те расстояния, которые отделяют Барнаул от ведущих научных центров. В статье дается обзор наиболее интересных публикаций в серийном издании «Дневник АШПИ».

Ключевые слова: международные отношения, идентичность, имидж, конфликты, Алтайская школа политических исследований.

This article discusses the most important and interesting results of scientific experience gained during 20 years of activity of one of the famous expert-analytical centers — “Altai School of Political Studies”. On the basis of analytical review of the articles of domestic and foreign authors of the School, investigation was made of 2 most important areas: the first is related to forms of international cooperation (international conflict, cross-border cooperation etc.), the second refers to the role of identities and images in international relations (European identity, images of countries, promotion of international image etc.). Much attention is paid to the study of the historical subjects in these areas. Analytical review allowed us to imagine the magnitude, consistency and heterogeneity of the studies. Generalization is given to practical experience of scientific and organizational activities to create a network community of researchers in international affairs which could be developed due to the active use of the Internet-technologies that allow virtual overcoming of the distances that separate Barnaul from the leading scientific centers. The article provides an overview of the most interesting publications in the serial publication of the “Diary of ASPs”.

Key words: international relations, identity, image, conflicts, Altai School of Political Studies.

История и теория международных отношений зачастую исследуются представителями разных отраслей гуманитарных, социально-экономических и общественных наук — историками, культурологами, международниками, политологами, психологами, социологами, филологами, философами, экономистами, юристами и др. При этом, наряду с научными разработками, ведущимися в вузах и академических институтах, все более заметную роль во всем мире начинают играть экспертно-аналитические центры, интегрирующие междисциплинарные исследования на базе общественных структур. Данная тенденция получила развитие в последние десятилетия и в России, причем этот опыт уже начинают обобщать в специальных работах [1]. Цель данной статьи заключается в том, чтобы проанализировать наиболее важные и интересные результаты научного опыта, накопленного за 20 лет деятельности одного из таких центров — Алтайской школы политических исследований.

Введение

Прежде чем говорить о содержательной стороне исследований, необходимо сказать о предпосылках возникновения такой научно-образовательной структуры, как Алтайская школа политических исследований (АШПИ), а также о тех новых возможностях, которые были использованы в ее работе.

«Ядро» кадрового потенциала этой структуры составили преподаватели Алтайского государственного университета, причем внимание к международной тематике заметно выросло после открытия в 1996 г. на историческом факультете специальности «Международные отношения» (кафедра всеобщей истории и международных отношений). Заведующий этой кафедрой д.и.н., профессор **Ю.Г. Чернышов** и стал инициатором создания АШПИ (заместителем директора в первые годы был к.и.н., доцент кафедры **А.М. Бетмакаев**, а затем к.и.н., доцент **В.Н. Козулин**). Как общественное учреждение АШПИ была зарегистрирована управлением юстиции Алтайского края 9 февраля 1996 г.

В 1990-е гг. статус некоммерческой организации открывал немало новых возможностей для динамичного развития научно-просветительской деятельности. Само принятие управленческих решений и механизмы их реализации были значительно облегчены по сравнению со старыми «бюрократизированными» структурами. Например, чтобы провести на полученный грант научную конференцию и издать сборник статей, требовалось гораздо меньше времени и преодоления административных барьеров, чем раньше (так была реализована целая серия грантов РГНФ на проведение научно-практических конференций). Кроме того, это позволило создать эффективную межфакультетскую

и межвузовскую команду высококвалифицированных специалистов, работающих на общий результат. При этом АШПИ всегда получала поддержку от университета — на его базе в 1998 г. была создана соответствующая учебно-научная лаборатория, работающая и по настоящее время. Студенты и аспиранты приобретают здесь практические навыки по организации научных конференций и проведению прикладных исследований; в рамках молодежного отделения АШПИ — студенческой организации «Международник» — проводятся «встречи с интересными» экспертами и др.

Именно прикладная и общественная направленность работы проявилась в том, что на базе АШПИ велось консультирование, проводились опросы, давались экспертные оценки, организовывались «круглые столы», публичные лекции и т.д. В проектах Школы участвовали не только ученые из многих городов России и зарубежных стран (Австрия, Азербайджан, Армения, Италия, Казахстан, Канада, Китай, Литва, Украина, Финляндия, Франция, ФРГ, Швеция, ЮАР и др.), но также и представители власти, общественные деятели, предприниматели, журналисты. Развивались связи с международными и общероссийскими научными ассоциациями — в частности, именно на базе АШПИ сформировались Алтайские отделения Российской ассоциации международных исследований и Российской ассоциации политической науки.

Пожалуй, главным направлением в деятельности стало все же проведение научно-практических конференций и издание сборников. В серии «Дневник АШПИ» в настоящее время издан уже 31 выпуск, сотни статей представлены в российской базе научного цитирования Elibrary.

В данной статье рассмотрены лишь наиболее значимые и актуальные направления исследований, первое из которых связано с современными формами международного взаимодействия (международные конфликты, трансграничное сотрудничество в истории и современности и т.д.), а второе — с ролью идентичностей и имиджей в международных отношениях (европейская идентичность, образы стран, продвижение международного имиджа и т.д.). Поскольку опубликованные материалы весьма обширны, мы будем вынуждены упомянуть лишь некоторых исследователей и дать ссылки лишь на отдельные статьи. Те читатели, которые заинтересуются более подробным содержанием статей и дискуссий, имеют возможность познакомиться с ним в печатном или электронном вариантах соответствующих выпусков «Дневника АШПИ» (Полные тексты и выходные данные всех выпусков «Дневника АШПИ» можно посмотреть на сайте АШПИ (URL: <http://ashpi.asu.ru/prints.html>)).

1. Новые подходы в изучении международного взаимодействия

1.1. Типология конфликтов: расширение предметной области сравнительной конфликтологии

Популярный среди исследователей тезис о чрезвычайной изменчивости современных международных отношений [2, с. 6] мог бы стать сквозным эпиграфом для обзора исследований различных форм взаимодействия между государствами и негосударственными акторами. Изменчивость характеризует все эти формы — от сотрудничества до открытых конфликтов, однако признанный большинством исследователей факт отнюдь не сдерживает их энтузиазм ни в эмпирической, ни даже в теоретической областях [3]. Если систематизировать материал публикаций по проблемно-тематическому принципу, то нетрудно заметить повторяемость тематической повестки на протяжении последних 10–15 лет практики проведения конференций АШПИ. Три из них были посвящены конфликтам — с расширением предметного поля исследований за счет изучения новых и меняющихся традиционных типов конфликтов. Отметим, что сам этот привычный принцип систематизации подчеркивает не столько формально-логическую, сколько сетевую структуру материала — таким образом, даже в конкретной области конфликтологии исследователи (вольно или невольно) разделяют распространенное представление о сетевом характере современной международной среды. Еще более симптоматично, что эксперты (международники, политологи, историки) достаточно рано уловили нарастающую с начала 2000-х гг. конфликтность, которая в настоящее время признана устойчивой тенденцией мировой политики и источником новых вызовов национальной и международной безопасности. Первыми в зону интересов (в 2002 и 2006 гг.) попали борьба с международным терроризмом и этноконфессиональные конфликты — примечательны и широта постановки проблемы, и основательность большинства оценок, которые сейчас выглядят осуществившимися прогнозами — доклады *О.Н. Барабанова* и *С.М. Маркедонова*, *Н.В. Грекова*, *М.А. Дедюлиной*, *Л.В. Дериглазовой*. Парадоксальность концептуальных подходов продемонстрировал профессор *В.Р. Филиппов* (Институт Африки РАН). «Концепция „этноконфессиональных конфликтов“ — тщедушное дитя примордиализма в этнологии и социал-дарвинизма в социологии», — утверждал он [4, с. 94], провоцируя нестандартный поворот в дискуссиях.

Правомерность отказа от упрощенной трактовки природы этноконфессиональных конфликтов была подтверждена, когда эта тема в 2014 г. вновь прозвучала при обсуждении миграционных про-

блем, причем в ходе дискуссий возник эффект осуществившихся прогнозов. Анализируя процессы интеграции трудовых и других мигрантов, исследователи на основе разнообразного национального опыта отмечали усиление социальной и этнокультурной напряженности в принимающих обществах — выступления *В.В. Игрунова*, *В.С. Мартынова*, *Ю.Г. Чернышова*, *Т.Н. Юдиной* и др. При этом конфликтный потенциал чаще всего оценивался в терминах вызовов и угроз безопасности. Следует отметить, что именно проблемы трансграничной миграции как нельзя лучше продемонстрировали возможности комплексного и междисциплинарного подходов, объединив в дискуссиях социологов, историков, политологов, географов-экономистов и демографов, представлявших академическую и вузовскую науку.

Смысловым продолжением темы конфликтов стало обращение в 2011 г. к «классике» международной конфликтологии — межгосударственным конфликтам и опыту их разрешений в прошлом и настоящем. Признание модернисткой (традиционной) парадигмы межгосударственных конфликтов и одновременно неудовлетворенность ею лежали в основе большинства докладов и статей, опубликованных по итогам конференции. Как вело себя государство в конфликтах прошлого и что изменилось в моделях конфликтного поведения государств в условиях глобализации и структурной трансформации международных отношений — таковы были ключевые вопросы, объединившие исторические сюжеты, теоретические обзоры свежего зарубежного опыта и постмодернистского дискурса с исследованиями новейших и незавершенных конфликтов — доклады *В.С. Бойко*, *С.В. Голунова*, *Л.В. Дериглазовой*, *Н.Ю. Кавешникова*, *Р.Р. Каирбековой*, *Н.А. Комлевой*, *Л. Донай*, *В.Р. Филиппова*, *О.Ю. Курныкина*, *О.Ч. Реута*, *О.Г. Лекаренко* и др.

Новая природа конфликтов и среды безопасности получила закономерное развитие в 2012 г. в исследованиях информационных войн. Эта тема оказалась как никакая другая актуальной, если учесть общую тенденцию виртуализации политики и нынешнее состояние массового (общественно-политического) сознания россиян. На этом фоне безусловным достижением следует признать строго научное (далекое от конъюнктуры) обсуждение сюжетов, идеологически далеко не нейтральных. В итоге, во-первых, удалось договориться о содержании ключевых терминов и категорий — основе сравнительной интерпретации отечественных и зарубежных подходов к явлению «информационная война» — эти темы были затронуты, в частности, *В.Н. Козулиным* и *Е.С. Крестининой*, причем вектор теоретиче-

ских дискуссий был во многом «спровоцирован» выступлением профессора МГУ *А.В. Манойло* [5]. Во-вторых, принятый за основу историко-политический метод (с элементами компаративистики) позволил на обширном фактическом материале новейшей истории четко провести границу между пропагандой и более универсальными механизмами информационного противоборства — выступления *А.М. Бетмакаева*, *Т.Н. Литвиновой*. И, наконец, совместными усилиями была сформулирована взвешенная экспертная оценка официальных концепций информационной безопасности — доклады *О.А. Аршинцевой*, *Л.В. Могиной*, *Д.Н. Чуваткина*.

Понятие «конфликт» оказалось вполне применимым и для исследования такого специфического состояния массового и индивидуального сознания, как идентичность. Пример актуальной теоретической постановки вопроса на основе обобщения актуального европейского опыта продемонстрировала на конференции 2013 г., посвященной межкультурным взаимодействиям, *И.С. Семенов* (ИМЭМО РАН). Рассматривая процесс формирования гражданских наций, она выявила особую роль многомерного конфликта идентичностей, нарастающего в условиях глобализации [6]. Подобная трактовка сегментированного состояния массового сознания добавила аргументов сторонникам нелинейной и критической версии глобализации. Следует подчеркнуть, что во всех упомянутых дискуссиях по проблемам конфликтов задача концептуализации специально не ставилась, однако объем и разнообразие приведенного в них фактического материала, а также уровень его теоретического осмысления подводят исследователей вплотную к ее постановке и даже решению.

1.2. Трансграничное пространство сотрудничества и междисциплинарные возможности исследования

Мы уже видели, как рассмотрение миграционной проблемы пересекалось с тематикой этноконфессиональных конфликтов. Исследование информационных войн и природы информационного пространства также получило некое логическое продолжение в обсуждении темы трансграничных взаимодействий (на конференции 2015 г.), поскольку это неизбежно предполагало характеристику современной международной среды и новых форм организации мирового пространства. Собственно категория «трансграничного» стала ключевой для исследования разных форм и уровней современного сотрудничества — от межкультурных взаимодействий до региональных и приграничных контактов (конференции АШПИ 2004, 2013 и 2014 гг.). Прошедшее с конференции 2004 г. десятилетие позволяет объек-

тивно оценить уровень перспективного мышления исследователей, которые представляли регионы и страны «Большого Алтая» — популярного в начале 2000-х гг. проекта межрегионального сотрудничества, о котором одним из первых говорил *С.Ю. Ножкин* [7, с. 322]. Можно дискутировать по поводу осуществимости этого замысла, однако нельзя отрицать его научно-практический потенциал. Он был реализован в гораздо более широком формате новой регионалистики, в предметную область которой усилиями международного исследовательского сообщества были органично включены практически все возможные варианты межрегионального взаимодействия — от Европы до Азиатской России, Центральной Азии, Казахстана, Китая и АТР. К этой теме обращались, в частности, *О.Н. Барабанов* (МГИМО(У) МИД РФ), *В.С. Бойко*, *Э.Э. Полетаев* (Институт по освещению войны и мира, Алматы), *Ху Хунпин* (Урумчи), *В.П. Андреев*. Весьма пестрое по составу, поистине транснациональное научное сообщество демонстрировало приверженность этическим принципам научной дискуссии, воздерживаясь от категоричных и тем более политически ангажированных высказываний. Это тем более важно, что ряд обсуждавшихся сюжетов (*А.Е. Кутейников* — о НАТО и российско-эстонской границе; *А.У. Хомра* — о визовом режиме между Украиной и ЕС) сегодня переместился из научного в пропагандистское пространство. Еще одним объединяющим принципом стал критический подход к плюсам и минусам межрегионального взаимодействия. Что означает прозрачность границ для сопредельных регионов и стран, какие угрозы безопасности порождают новые формы приграничного сотрудничества? Под такими углами зрения рассматривался конкретный опыт такого взаимодействия (*Т.Е. Бейдина* — о российско-китайском сотрудничестве в регионе; *Н.В. Греков* — о сибирско-казахстанских связях; *Е.В. Тарасова* — о миграционном обмене с КНР). Ряд прозвучавших тогда выводов — о противоречивости российско-китайского сотрудничества и разности ресурсных потенциалов сторон — спустя десятилетие остаются актуальными и даже выглядят не услышанным предостережением эксперта-реалиста [8, с. 174].

Комплексное объединение проблематики межкультурных, межгосударственных и региональных взаимодействий в традиционной дихотомии Запад — Восток стало возможным на конференции 2015 г. во многом благодаря сложившемуся в предыдущее десятилетие неформальному научному сообществу, объединившему на междисциплинарной основе исследователей из отечественных и зарубежных университетов и академических институтов. Эффект коллектив-

ных усилий проявился как в органичном распределении научных интересов, так и в тематической преемственности по отношению к предыдущим форумам, что, в свою очередь, позволяет говорить о складывании самостоятельного научного направления. По сложившейся традиции опубликованные по итогам конференции статьи были сгруппированы в соответствии с устоявшейся трехчленной схемой: теория, международный и российский опыт. Состав постоянных авторов и сквозные темы весьма органично объединили дискуссии 2015 г. с предыдущими публикациями. Важным связующим звеном стали методологические принципы, которые сформулировала *И.С. Семененко* в виде актуальных теоретических вопросов и категорий, которые в силу научной новизны требуют особого внимания. К ним относится, в частности, проблема сетевого фронта — пространства, где сталкиваются сетевые и досетевые формы взаимодействия. Не менее перспективной выглядит и категория этнополитического измерения трансграничных взаимодействий, выдвинутая *И.С. Семененко* в связи с отмеченной ею актуализацией тематики этничности «вкупе со стремительным ростом международных миграций и обострением проблемы беженцев» [9]. Новые теоретико-методологические ориентиры в соединении с устоявшимися методами историко-политического и прикладного международного анализа обусловили плюрализм научных подходов и оживили междисциплинарные дискуссии. Этому также способствовала обширная география регионов, охватившая пространство Евразии от Петрозаводска до Читы и Владивостока.

При всем разнообразии обсуждавшихся вариантов регионального трансграничного взаимодействия исследователи явно продемонстрировали растущий интерес к менее изученным неэкономическим его формам и нелинейным связям между ними. Так, в докладах *В.Ф. Бородича, О.Ч. Реута, Т.В. Колпаковой, М.Н. Колоткина, О.Б. Молодова, Х.М. Турьинской, А.Н. Харина, И.М. Юн* институциональные и гуманитарные аспекты приграничного сотрудничества регионов были представлены уникальным эмпирическим материалом, объединенным общей темой вызовов и возможностей. Таким образом, широкие рамки дискуссий вывели их на уровень анализа среды международной безопасности и современных факторов региональной интеграции, что, в свою очередь, позволяет рассматривать их результаты в русле актуальной проблематики нового регионализма [10].

Продолжая тему нелинейных взаимозависимостей между различными формами международных отношений, следует отметить возросшее значение того, что с легкой руки *Дж. Ная* стало именоваться ресурсами «soft power» («мягкой силы») [11]. Не поддаваясь соблазну расширительного толкования, подчеркнем, что теоретико-методологический потенциал этой концепции в большей мере раскрывается в анализе взаимных представлений народов и стран, а также при обращении к такому специфическому фактору современных политических и межкультурных взаимодействий, как идентичность.

2. От идентичностей к имиджам в международных отношениях

Исследования, которые можно объединить темой под условным названием «Имидж в международных отношениях», более 10 лет занимают одно из центральных мест в научном кейсе АШПИ. Этой теме было посвящено более 100 текстов и выступлений на конференциях «Современная Россия и мир». На конференциях 2007–2010 гг. были проанализированы такие аспекты темы, как международный имидж России, роль российских регионов в формировании имиджа страны, роль политических лидеров в формировании имиджа страны и региона, влияние образов стран на отношения России и стран Западной Европы и др.

Обращение исследователей к имиджевой проблематике было связано с новыми явлениями в современных международных отношениях, в которых все более заметную роль играют ценностные, морально-психологические, идеологические и другие нематериальные факторы. В условиях растущей взаимозависимости участников международных отношений представления народов друг о друге приобрели самостоятельное значение, благодаря, в том числе, и новым возможностям информационного пространства.

Помимо сугубо академического интереса, изучению этой темы способствовала и общественно-политическая атмосфера нулевых годов. Характерно, что российское руководство в эти годы заявляло о том, что Россия должна стать страной, привлекательной для жизни¹. Формирование позитивного международного имиджа России называлось приоритетной внешнеполитической задачей в логике расширения использования «мягкой силы».

Отправной точкой изучения проблематики международного имиджа стала конференция 2005 г.,

¹ Такое заявление, например, содержится в выступлении В.В. Путина на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года» 8 февраля 2008 г. (URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24825>).

которая объединила междисциплинарные исследования по теме «Национальная, региональная идентичность и международные отношения». Основное внимание было уделено анализу проблем идентичности в истории международных отношений в Европе в XIX–XXI вв., а также изучению влияния этнических стереотипов на межнациональные отношения на постсоветском пространстве. И если связь проблематики международного имиджа (образа) со стереотипами представлялась явной и подтверждалась историческими и современными примерами из докладов участников, то связь имиджа с идентичностью требовала большей теоретической проработки.

2.1. Международные отношения через призму имагологии

Отмеченный выше дефицит концептуализации — простительный ввиду того, что имиджевые исследования в нашей стране тогда зачастую находились в начальной фазе, — был в определенной степени восполнен на следующих конференциях.

Рассуждая о формировании образов, профессор **О.Ю. Малинова** обращала внимание на то, что образ Нас всегда конструируется в сопоставлении с Другими, и предлагала метафору путешествия по зеркальному лабиринту, в котором образы Нас и Других многократно преломлялись, оборачивались новыми ракурсами, выбор которых определяется контекстом [12, с. 43].

Как правило, подчеркивалось также, что идентичность является частично конструируемым феноменом, процесс идентификации практически непрерывен, а идентичность не является статической характеристикой личности и/или группы [13]. Вместе с тем, по мнению **И.С. Семененко**, нереализованное стремление утвердить формирующиеся вне и помимо государства идентичности групп и сообществ подпитывает выплески политического радикализма. Противоречия между сообществами, представляющими носителей разных идентичностей, приводят к затяжным политическим конфликтам: объединенные общими ориентирами идентичности меньшинства проводят целеориентированную, а нередко агрессивную политику идентичности [6, с. 45].

Сама идея конструирования — и идентичности, и имиджа — предполагает усилия субъекта (государства, региона, общественных организаций и т.д.). При этом большинство авторов полагали, что надо различать понятия «имидж» и «образ»: «образ» — более широкое понятие, чем имидж, бренд, репутация. Образ страны — это комплекс взаимосвязанных между собой экономических, географических, внутри- и внешнеполитических и прочих характеристик, сформировавшихся в ходе истории. Объективно

сложившийся образ включает, в частности, целенаправленно формируемый имидж, который можно рассматривать в качестве образа, конструируемого с определенными целями и оказывающего воздействие на сознание людей. При этом можно говорить о нескольких подходах при формировании «имиджа»: политико-культурном, экономическом, философско-конструктивистском, утопическом [14; 15]. Большинство авторов отмечали, что однажды сложившиеся образы становились невероятно устойчивыми, традиционными, и впоследствии они слабо подвергались изменению.

В исследованиях АШПИ заметное место отводилось также анализу взаимовосприятия, основанному в значительной степени на стереотипах. Проблема взаимного восприятия представлялась прежде всего как проблема формирования стереотипов массового сознания в рамках дискурса «свой — чужой», причем важную роль в этом играют СМИ [16]. Сложившиеся устойчивые стереотипы являются удобным и эффективным средством манипулирования массами. Вместе с тем массовые стереотипы способны оказывать обратное воздействие на политику, на конкретные действия государственных и политических деятелей.

Одним из основных факторов формирования стереотипов восприятия чужих культур всегда назывался историко-культурный фактор, т.е. история контактов, отношений между народами и их культурами. Благодаря этому происходило насыщение стереотипов конкретными мотивами и возникали предубеждения относительно конкретных народов или культур. Таким образом, история взаимоотношений народов, факты конфликтов и сотрудничества рассматривались в качестве одного из главных факторов формирования образов стран.

Говоря о методологии, следует отметить, что многие участники междисциплинарных исследований выходили за рамки научной дисциплины «имагология», занимающейся изучением складывания, восприятия и преобразования образов страны, народа и подобного, поскольку они использовали также методы политологии, теории международных отношений, геополитики, социологии и лингвистики. При этом обращение к международному опыту (в докладах **В.С. Бойко**, **Н.Ю. Кавешникова**, **О.Г. Лекаренко** и др.) позволяло и накопить эмпирический материал и уточнить теоретические положения. С другой стороны, работы Школы чаще тяготели к изучению конкретных проблем, будучи ориентированы на практическое применение результатов исследований.

2.2. Европейская идентичность и образ Европы

Рассматривая изучение идентичностей, можно назвать «европейскую идентичность» в каче-

стве основного объекта внимания исследователей. Некоторые авторы отмечали, что европейская идентичность никогда не представляла собой единого концепта, не был разработан четкий план по ее развитию в контексте европейской интеграции. Кроме того, определение европейской идентичности проблематично еще и потому, что европейский проект был основан на базе антинациональной идентичности. У идеологов европейской интеграции существовала вера в то, что будет создана новая универсальная европейская идентичность, которая заменит национальные идентичности [17, с. 113].

Другие исследователи полагали, что сама постановка проблемы основана на конструктивистском подходе в понимании европейской идентичности: институты ЕС рассматривают процесс формирования европейской идентичности как важное направление современной политики Союза. При этом отмечалось, что неизбежно возникал вопрос об отличии идентичности Европейского Союза от «европейской идентичности». Профессор Томского государственного университета *Л.В. Дериглазова* отмечала, что основное различие между принадлежностью к Европе и принадлежностью к ЕС заключается в возможности формализовать последнюю: более «узкая» принадлежность к ЕС определяется не посредством чувствования, а посредством вхождения стран в организацию [18, с. 134]. Деятельность ЕС по формированию идентичности направлена на сочетание элементов культурно-социальной и политической, гражданской идентичности для расширения поля символического взаимодействия европейцев и институтов ЕС и повышения его «присутствия» в повседневной жизни европейцев.

В исследованиях европейской идентичности затрагивались не только общие, но и частные проблемы. На уровне темы интеграционного объединения анализировались: опыт формирования общеевропейской идентичности в деятельности Европейского объединения угля и стали, влияние европейской идентичности на проблему безопасности ЕС, проблема идентичности иммигрантов-мусульман в странах ЕС и т.д. На страноведческом уровне в центре внимания *Д.В. Гаврилова*, *Ю.С. Сапрыкиной*, *Н.В. Грекова* и других были Германия, Финляндия и Россия. В случае с нашей страной европейская идентичность оценивалась как один из факторов становления новой идентичности.

При оценке исследований по теме «Основные тенденции в истории формирования и эволюции имиджа России в странах Запада и Востока» можно отметить, что за небольшим исключением (Афганистан, Османская империя, Казахстан) об-

раз нашей страны изучался преимущественно на примерах из истории стран Запада (Великобритании, Германии, Италии, США). Это же в значительной степени наблюдалось в случае изучения образов западных стран в России, но в меньшей степени при исследовании восприятия россиянами образов государственных и политических лидеров (Николая I, Ф.Д. Рузвельта, В. Ульбрихта, С. Берлускони, М.К. Ганди, Мао Цзэдуна, Х. Карзая).

На этом фоне выделяется постановка проблемы восприятия Запада в исламском мире. Полагая, что невозможно исследовать массовые стереотипы вне соответствующего культурно-религиозного контекста, *О.Ю. Курныкин* отмечал, что в конце XX в. мусульманский мир заставил Запад слушать себя всерьез. Западный мир столкнулся с неприятной и опасной для себя реальностью: в массовом сознании арабо-мусульманского мира сформировался устойчивый комплекс негативных образов, когда Запад воспринимается как источник военной интервенции, а глобализация интерпретируется как новая форма доминирования Запада. «Деградирующей» культуре Запада противопоставляется «высокая духовность» исламской цивилизации [19, с. 36–37].

Вместе с тем многим исследованиям по вышеуказанным проблемам не хватало выводов, выходящих за рамки узкой тематики статей и выступлений. Как следствие, общее исследовательское пространство разбивалось на фрагменты, мало связанные между собой. Усилия преодолеть фрагментацию и сформулировать обобщения по имиджевой тематике предпринимались в ряде работ. Одной из, пожалуй, наиболее заметных попыток стало большое исследование *В.Н. Козулина* и *Ю.Г. Чернышова*, посвященное эволюции стереотипов восприятия Европы и европейцев в России. Авторы, отталкиваясь от известной дихотомии Запад — Восток, предложили считать Востоком и те страны, которые, хотя и были европейскими по своим культурным истокам, но все же стали слишком «отошедшими к Востоку» и во многом противопоставившими себя Западу — византийскую и русскую цивилизации. Они предложили выделить 5 периодов эволюции стереотипов восприятия в нашей стране (древнерусский, московский, имперский, советский, современный) и пришли к выводу, что эта эволюция проходила по «синусоиде»: сначала преобладало положительное отношение к Европе, затем негативное, затем опять положительное и снова негативное. По мнению исследователей, в XXI в. колебания в этой «синусоиде» будут все-таки уже другими — более частыми и не такими значительными. Тотально манипулировать обществом, как в первой по-

ловине XX в., уже не получится: под влиянием глобализации развиваются горизонтальные связи, и люди могут получать информацию из разных источников [20; 21].

Оценивая объективность сложившегося восприятия России на Западе, многие исследователи отмечали сгущение красок в оценке негативных сторон российской действительности, «демонизацию» образа страны. Нередко это объяснялось обострившимся геополитическим соперничеством России и Запада на современном этапе, на фоне которого преувеличиваются реальные и мнимые угрозы и нагнетаются необоснованные страхи в ходе информационных войн (этой теме была посвящена конференция АШПИ в 2012 г.). Негативные образы Запада и России времен «холодной войны» вновь были актуализированы и востребованы для создания новых имиджей.

Заключение

В данной статье рассмотрены лишь наиболее важные результаты научно-исследовательской работы, продолжающейся уже более 20 лет. Однако даже этот сжатый обзор позволяет представить масштабы, системность и одновременно разноплановость проведенных исследований. Не случайно многие специалисты отмечают, что опыт АШПИ является в некоторых аспектах даже уникальным. В одном из ведущих журналов российских международных исследователей, например, отмечалось: «Наперекор трудностям, коллеги из Барнаула с 1996 г. проводят у себя регулярные научные симпозиумы, в которых принимают участие не только ведущие ученые из сибирских регионов России, но и московские специалисты, а также зарубежные коллеги. «Дневник АШПИ» — по сути, ежегодник Алтайской школы. Надо отдать должное стойкости организаторов алтайских конференций, их изобретательности и умению привлекать ресурс для сохранения своего форума, который, конечно, играет очень важную организующую и собственно научную роль в профессиональной жизни

международников восточной части Российской Федерации» [22, с. 160–162].

Отмеченная выше «важная организующая роль» АШПИ в значительной мере связана с тем, что в течение всех прошедших лет последовательно выстраивалось своеобразное «сетевое научное сообщество». Добавим, что это сообщество удавалось развивать не только традиционными методами, но и благодаря активному использованию интернет-технологий, позволяющих виртуально преодолевать те расстояния, которые отделяют Барнаул от ведущих научных центров. Общение с коллегами поддерживается и через официальный сайт, и через аккаунты в социальных сетях; с 2002 г. ежегодно весной проводятся интернет-конференции, предшествующие тем конференциям, которые проводятся осенью «в режиме реального общения». Как правило, те ученые, которые хотя бы однажды приезжали на конференции на Алтае, продолжают поддерживать связь с оргкомитетом, и многие приезжают снова. Таким образом, научный диалог, однажды начатый по каким-то «сквозным» темам, не заканчивается с завершением отдельных конференций, а продолжает развиваться.

В этом развивающемся диалоге, как было показано, в центре внимания всегда находился широкий комплекс тесно связанных между собой проблем, относящихся к междисциплинарным исследованиям в области международных отношений. Проблемы сотрудничества и конфликтов, идентичностей и имиджей снова и снова рассматривались под разными ракурсами, с различными методологическими подходами, причем главной целью всегда было объективное изучение сути рассматриваемых явлений. Такая системная работа ученых, специализирующихся в разных отраслях знаний и занимающихся разными регионами и периодами, позволила серьезно обогатить содержание дискуссий и накопить достаточно интересные результаты, которые широко используются научным сообществом в России.

Библиографический список

1. Балаян А.А., Сунгуров А.Ю. Фабрики мысли и экспертные сообщества. — СПб., 2016.
2. Громько Ал.А. Постоянство и изменчивость в истории международных отношений // Современная Европа. — 2016. — №1 (67).
3. Аршинцева О.А. Современные международные конфликты: обзор популярных концепций // Дневник Алтайской школы политических исследований (далее — Дневник АШПИ). — №27. — Барнаул, 2011.
4. Филиппов В.Р. «Этноконфессиональные конфликты»: ущербность концепции // Дневник АШПИ. — №22. — Барнаул, 2006.
5. Манойло А.В. К вопросу о содержании понятия «информационная война» // Дневник АШПИ. — №28. — Барнаул, 2012.
6. Семененко И.С. Конфликт идентичностей и проблемы формирования гражданских наций // Дневник АШПИ. — №29. — Барнаул, 2013.

7. Ножкин С.Ю. Большой Алтай: институализация межрегионального сотрудничества // *Дневник АШПИ*. — № 19/20. — Барнаул, 2004.
8. Бейдина Т.Е. Россия и Китай: трансграничное сотрудничество и противоречия взаимоотношений // *Дневник АШПИ*. — № 19/20. — Барнаул, 2004.
9. Семененко И.С. Выступление на вебинаре // *Дневник АШПИ*. — № 31. — Барнаул, 2015.
10. Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. — М., 2013.
11. Nye J.S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. — N. Y, 2004.
12. Малинова О.Ю. Зеркальный лабиринт: «долгий дискурс» российского западничества / антизападничества и проблемы формирования национальной идентичности // *Дневник АШПИ*. — № 23. — Барнаул, 2007.
13. Крестинина Е.С. Политическая идентичность как фактор двусторонних отношений: теоретический аспект // *Дневник АШПИ*. — № 26. — Барнаул, 2010.
14. Штанько М.А. Конструирование политического имиджа страны и конструирование политической реальности: проблема соотношения // *Дневник АШПИ*. — № 21. — Барнаул, 2005.
15. Чернышов Ю.Г. Пограничное пространство как барьер между утопическими и реальными образами стран и регионов // *Дневник АШПИ*. — № 31. — Барнаул, 2015.
16. Хабенская Е.О. Этнические стереотипы и ксенофобия в СМИ (по материалам мониторинга прессы столичного региона) // *Дневник АШПИ*. — № 21. — Барнаул, 2005.
17. Арапина С.В. Европейская идентичность: теория и практика (некоторые аспекты) // *Дневник АШПИ*. — № 29. — Барнаул, 2013.
18. Дериглазова Л.В. Деятельность Европейского Союза по формированию европейской идентичности // *Дневник АШПИ*. — № 29. — Барнаул, 2013.
19. Курныкин О.Ю. Восприятие стран Запада в мусульманском мире (к постановке проблемы) // *Дневник АШПИ*. — № 26. — Барнаул, 2010.
20. Козулин В.Н., Чернышов Ю.Г. Эволюция стереотипов восприятия Европы и европейцев в России. Ч. 1: От древней Руси до империи // *Дневник АШПИ*. — № 29. — Барнаул, 2013.
21. Козулин В.Н., Чернышов Ю.Г. Эволюция стереотипов восприятия Европы и европейцев в России. Ч. 2: Советский и постсоветский периоды // *Дневник АШПИ*. — № 29. — Барнаул, 2013.
22. Шилов С. *Дневник международников Алтая // Международные процессы*. — 2010. — Т. 8. — № 2(23).